

Политическая элита Приднестровья: к вопросу о предпосылках возникновения республики

Олейников Сергей Викторович

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь, Молдова)
Доцент кафедры журналистики Института языка и литературы
Директор издательства Приднестровского государственного университета
Кандидат политических наук
olen_serg@inbox.ru

РЕФЕРАТ

Политическое переформатирование некогда единого советского пространства, предпосылки возникновения идеологических разломов в странах нового зарубежья, приведших в ряде случаев к провозглашению республик, а также их политико-правовая сущность до сих пор остаются предметом спора политической, экономической и научной элиты. Геополитический резонанс процессов, связанных с разжиганием, а затем урегулированием политических конфликтов на постсоветской территории, как правило, обусловлен диаметрально противоположными идеологическими настроениями, которые активно культивирует политическая элита того или иного региона.

Необходимо отметить, что в большинстве случаев влияние крупных информационных институтов на процессы политического противостояния в значительной степени ускорило идеологическое размежевание и обостряло политическую ситуацию в новых государственных образованиях, в то время как местные средства массовой информации выполняли консолидирующую функцию и укрепляли духовное единство населения отдельных регионов. Именно поэтому в процессах формирования новой системы идентичности доминирующую роль сыграл фактор регионализма, оттеснив национальные, культурные, лингвистические идентификационные маркеры.

Анализ культурно-языковых, исторических и других факторов не столько населения, сколько властных структур, инициировавших более двух десятилетий назад возрождение приднестровской государственности, в контексте особенных социально-демографических характеристик представителей политической элиты Приднестровья является необходимым условием адекватного восприятия современного состояния молодой республики и понимания причин идеологического разлома и политического противостояния на берегах Днестра.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственность Приднестровья, информационный аспект государственности, информационная политика СМИ, официальные языки

Oleynikov S. V.

Political Elite of Transnistria: on a Question of Prerequisites of Emergence of the Republic

Oleynikov Sergey Viktorovich

Taras Shevchenko Transnistria State University (Tiraspol, Moldova)
Associate Professor of the Chair of Journalism of Institute of Language and Literature
Director of the Publishing house
PhD in Political Sciences
olen_serg@inbox.ru

ABSTRACT

Political reformatting of once uniform Soviet space, the prerequisite of emergence of ideological breaks in the countries of the new abroad which led in some cases to declaration of the republics, and also their political and legal essence still remains a subject of dispute of political, economic, but also scientific elite. The geopolitical resonance of the processes connected with kindling and

then settlement of political conflicts in the Post-Soviet territory is usually caused by opposite ideological moods which are cultivated actively by political elite of this or that region.

It should be noted that in most cases influence of large information institutes in processes of political opposition substantially accelerated ideological delimitation and aggravated a political situation in new state educations. While local mass media carried out the consolidating function and strengthened spiritual unity of the population of certain regions. For this reason in processes of formation of new system of identity the dominating role was played by a regionalism factor, having pushed aside national, cultural, linguistic identification markers.

The analysis of cultural and language, historical and other factors not so much of the population, how many the power structures initiating more than two decades ago revival of Dnestr statehood in the context of special social and demographic characteristics of representatives of political elite of Transnistria is a necessary condition of adequate perception of a current state of the young republic and understanding of the reasons of an ideological break and political opposition on coast of Dniester.

KEYWORDS:

statehood of Transnistria, information aspect of statehood, information policy of mass media, official languages

Кардинальное изменение общественно-политической и социокультурной ситуации, а также искаженная националистическими настроениями идея возрождения национальной культуры в бывших союзных республиках сопровождалась на рубеже веков такой степенью межэтнической напряженности, что это закономерно привело к отторжению нового вектора развития отдельных государств и образованию так называемых «самопровозглашенных» территорий.

Возникновение и развитие приднестровской государственности, а также особенности формирования и функционирования политической элиты ввиду экстраординарности общественно-политических процессов в регионе следует рассматривать с нескольких точек зрения: правовой, исторической, социально-экономической, культурно-языковой, идеологической, геополитической, информационной.

В научной литературе неоднократно анализировались факторы, инициировавшие появление и определявшие углубление молдово-приднестровского конфликта, среди которых доминирует процесс политической и экономической дезинтеграции, характерный для всех государств постсоветского пространства, составной частью которого является Молдавия.

Рассматривая социально-демографические характеристики политической элиты Приднестровья, представленной исполнительной ветвью власти, необходимо обратить внимание на показатели, касающиеся места рождения, статуса населенного пункта, в котором родились главы министерств и ведомств Приднестровья начала 90-х гг. XX в. Так, 90% руководителей первого ранга являлись выходцами из России и 10% — из Украины, причем все они были родом из периферийных регионов. Получив профессиональное образование, они по распределению попали в Приднестровье, где впоследствии заняли руководящие посты по профилю полученного высшего образования. С другой стороны, в 40% случаев политическая элита Приднестровья была в то время представлена выходцами из семей вынужденных переселенцев, депортированных ранее в северные регионы России, чем обуславливаются такие места рождений, как Читинская область, Сахалинская область, Камчатка и др. В этой связи резкая реакция местных элитарных слоев на этноцентристскую политику властей Кишинева была оправданной и естественной, что еще более усугубляло противостояние двух берегов Днестра.

В Молдове идея экономической целесообразности отделения от СССР (России) и сближения с Румынией интенсивно муссируется вот уже более двух десятилетий, при этом акцентируется, что этот акт позволит решить весь спектр социально-эко-

номических вопросов. Внимание населения фиксируется на том, что Республика Молдова за счет собственных ресурсов и в ущерб себе «кормит всю Россию». Более того, утверждается, что русскоязычное население «незаслуженно пользуется благами, созданными коренным этносом», а значит, решение продовольственной, жилищной и других проблем возможно в плоскости изоляции от России и выдворения представителей нетитульных этносов за пределы РМ. Так, газета «Независимая Молдова» отмечала, что «...социальные проблемы Молдовы порождены присутствием русскоязычных и политикой России» [1].

Хотя Приднестровье не является исторической территорией ни Молдовы, ни Румынии, вопрос об отказе от него никогда не стоял перед руководством Республики Молдова главным образом потому, что основной промышленный потенциал бывшей МССР был сосредоточен именно в этом регионе. Позицию РМ в этом плане поддерживает и Румыния. На вопрос корреспондента газеты «Frankfurter allgemeine Zeitung», не может ли РМ просто уступить эту территорию, представитель МИДа Румынии ответил, что, во-первых, и там население на 40% состоит из румын, а, во-вторых, в Приднестровье находится 35% промышленных предприятий Республики Молдова. Кроме того, был сделан намек, что когда-нибудь этот регион понадобится как объект обмена, если на повестку дня встанет вопрос о Северной Буковине¹.

Конфликт между приднестровской и молдавской элитами обозначился и как столкновение *идеологических позиций*. Приднестровье было привержено идее целостности советского государства. Без этих основ приднестровцы не представляли себя в составе Молдавского государства. Чем интенсивнее его руководство вело политику этнонационализма, тем более неприемлемым оно становилось для Приднестровья. По мере ускорения процесса этнополитизации молдавского государства, которое развивается в рамках процесса дальнейшей румынизации, усиливается процесс его отторжения приднестровцами.

Отношение к русским в бывших союзных республиках стало меняться еще до распада советского государства: по данным ВЦИОМ (сентябрь 1991 г.), о его ухудшении заявили 79% русских в Молдавии, 75% — в Киргизии, 59% — в Западной Украине, 54% — в Азербайджане, 34% — в Казахстане [8, с. 45]. В Молдавии этот процесс усугублялся и рядом дополнительных факторов. Так, со стороны политического руководства Молдовы просматривалось четкое стремление к разрыву отношений с Москвой, что нашло свое отражение в усилении антироссийской пропаганды, с одной стороны, а с другой — «звучали фразы о единой национальности — румынах, о необходимости устранения исторической несправедливости — разъединения двух румынских государств». Большинство средств массовой информации, переданных национальной бюрократией в руки сторонников «Народного фронта» Молдовы, развернули настоящий психологический террор и оказывали сильное давление на общество, имитируя при этом якобы волеизъявление молдавского народа, суть которого — интенсивная румынизация молдавского общества. Эти целенаправленные действия переводили представителей молдавской нации в разряд малограмотных «манкуртов», «ибо литературным румынским языком в республике владели очень немногие представители гуманитарной интеллигенции, втайне исповедовавшие свою румынскую идентичность» [2, с. 5–6].

Существенным для становления государственности и политической элиты Приднестровья выступает *культурно-языковой фактор*. Появившиеся в середине 80-х гг. XX в. практически во всех союзных республиках национальные движения воспринимались как некие культурные организации, которые были озабочены исключительно «спасением» местных языков и традиций. «Однако именно они в лице своих лиде-

¹ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1991. 30 august.

ров — представителей национальных элит возглавили политический процесс „развала“ единого государства» [8, с. 6]. Эти движения использовались местной элитой для достижения собственных политических целей, как на этапе дезинтеграции союзного государства, так и в ходе строительства новых независимых государств, о чем косвенно свидетельствует тот факт, что «практически во всех постсоветских государствах (за исключением Армении, Латвии и Эстонии) этнорегиональные советские элиты на первом этапе государственного строительства не только сохранили свои позиции в полном объеме, но и расширили сферу властных полномочий» [9, с. 18–24]. На основе культурного этноцентризма активно формировались идеи превосходства культуры титульного этноса над культурами русскоязычных жителей и в МССР.

Актуализация в начале 90-х гг. в Молдавии вопросов языковой политики не была связана с лингвистической ситуацией. Молдавский язык являлся родным, либо вторым, которым свободно владели, для 66% молдаван и 11% лиц, принадлежавших к национальным меньшинствам. Русский язык был таковым для 68% населения, в том числе для 58% молдаван. Оба языка фактически считались официальными. И такое состояние языковой политики до конца 80-х гг. не вызывало в республике существенных проблем. Однако в конце 1988 г. из числа должностных лиц Академии наук МССР, в большинстве своем ориентировавшихся на политическую конъюнктуру, была создана Межведомственная комиссия по изучению проблем молдавского языка; она-то и пришла к выводам, предписывающим националистически ориентированным группам определенную программу действий, основные положения которой в концентрированном виде можно сформулировать таким образом:

- во-первых, придать молдавскому языку статус государственного;
- во-вторых, признать идентичность румынского и молдавского языков;
- в-третьих, перевести молдавский язык с кириллической на латинскую графику.

Пройдя соответствующую апробацию в государственных СМИ, эти положения легли в основу лингвистического законодательства в Молдавии [6, с. 211]. Анализируя истоки гражданского конфликта в республике, П. М. Шорников, на наш взгляд, точно подмечает суть этих положений: «Первое требование, — пишет он, — представляло собой покушение на национальное равноправие, выполнение остальных лишало молдавскую нацию культурного суверенитета и национальной идентичности» [11, с. 191].

Введение законов о государственном языке, знанием которого нередко была обусловлена возможность предоставления гражданства, существенно затруднило поступление на работу и в высшие учебные заведения, остановило продвижение по службе, увеличило угрозу увольнения, ограничило возможность получения какой-либо информации на родном языке; вызвало резкое сокращение теле- и радиовещания на русском языке, ограничение информационного, образовательного и культурного пространства в связи с вытеснением русского языка из печатных и электронных средств массовой информации [3, с. 72].

Придав статус государственного молдавскому языку, признав его идентичным румынскому с латинским правописанием, Молдова фактически лишила себя канала коммуникации с русскоязычным населением Приднестровья, которое отреагировало на принятие этого закона политическими забастовками, справедливо усматривая в этих правовых документах угрозу для себя и будущего своих детей. Эти законодательные акты не только разделили полиэтничное население Молдовы по лингвистическому признаку на титульных и нетитульных, но и стали стимулом к углублению противостояния, вылившегося уже в 1989 г. в мощное забастовочное движение на левом берегу Днестра.

Радикальные языковые законы и отчетливая смена политического вектора развития Молдовы с восточного на западный привели к расколу в политической элите

республики, поскольку партийная элита практически везде поддерживала позицию официального Кишинева. Ей противостояла экономическая элита, представленная руководителями предприятий, а также депутатский корпус местных советов народных депутатов, причем катализаторами протестных движений в большинстве случаев являлись депутаты Верховного Совета МССР, которые представляли в парламенте левобережные районы республики. Слаженная деятельность указанных сил стимулировала оппозиционные настроения в Приднестровье, которые переросли из стихийных забастовок в организованную борьбу всех административно-территориальных районов Приднестровья за воссоздание прежней государственности в виде Приднестровской Автономной Советской Социалистической Республики (ПАССР). Результаты референдумов в административно-территориальных единицах Левобережья отчетливо свидетельствуют о том, что «приднестровцы отдали свои голоса за интернациональное братство, национальное равноправие, за право говорить на родном языке без какого бы то ни было ущемления или дискриминации» [5, с. 35–37].

Тесную связь этнокультурных групп населения в Приднестровье подтверждают отдельные социально-демографические характеристики депутатского корпуса Верховного Совета ПМР первого созыва. Распределение по национальному признаку народных избранников, дублируя общереспубликанскую картину, свидетельствует о переплетении национальных и региональных маркеров идентичности. Так, более половины депутатов Верховного Совета 1990–1995 гг. родились в Молдавии, но только 15% из них считали себя молдаванами. В то же время из 43% парламентариев, относящих себя к русским, только четверть родились в Российской Федерации. Аналогичная картина и с украинцами в Верховном Совете ПМР: 34% заявляют о своей принадлежности к украинской национальности, хотя немногим более 20% родились на территории Украины.

Исключительное значение в развитии противостояния на берегах Днестра имеет *информационный аспект*. В связи с отсутствием в начале 90-х гг. в Приднестровье собственной базы, способной компенсировать распространение негативной информации, касающейся конфликтных событий, Приднестровье в период 1989–1992 гг. оказалось практически в информационном вакууме. Отсутствие объективной информации усиливало дезориентацию приднестровского социума, лишало твердой уверенности в правильности политического выбора. Своевременная и объективная оценка сложившейся ситуации могла бы если и не предотвратить, то смягчить форму конфликта в молдавском обществе.

По мере укрепления приднестровских государственных структур органы печати, выступавшие на стороне властей Республики Молдова, либо прекратили свое существование, либо перебазировались на территорию, оставшуюся под юрисдикцией Кишинева. Вот почему уже в период военного противостояния между Кишиновом и Тирасполем — со 2 марта по 21 июля 1992 г. — в Приднестровье стали функционировать СМИ, не ставившие под сомнение идею приднестровской государственности. Прорыв информационной блокады путем создания государственной сети средств массовой информации стал важным итогом деятельности приднестровцев в строительстве своего государства.

В условиях нестабильности, политической, экономической и информационной блокады на начальном этапе становления приднестровской государственности на рубеже 80–90-х гг. прошлого столетия СМИ республики, формируя информационное пространство, выстроили и до сих пор придерживаются такой системы предпочтений, которая не только исключает любые тенденции межэтнической конфронтации, но и способствует развитию приднестровской (региональной) идентичности представителей этнокультурных групп населения.

Процессы естественной интеграции лингвокультурного разнообразия общества в Приднестровье обусловили формирование гармонично развивающейся коммуни-

кативной системы, социальной доминантой которой исторически является русский язык. Вооруженное, а затем и постконфликтное противостояние на берегах Днестра обусловило определенную степень информационного дискомфорта населения, но при этом мобилизовало приднестровское общество и все его социальные институты, усилив на данном этапе конвергенцию ожидаемой аудиторией и предлагаемой СМИ моделей социальной действительности; результат — повышение не только эффективности местных СМИ и авторитета политической элиты республики, но и устойчивости культурно-информационного и социального развития региона в целом.

Как видим, молдово-приднестровский конфликт с самого своего зарождения был не межэтническим столкновением, поскольку в нем принимали участие молдаване, украинцы, русские, представители других национальностей. Это был конфликт политический, где столкнулись различные интересы, силы и устремления. «В его сути, с одной стороны, желание населения Приднестровья жить в правовом цивилизованном государстве, в котором права личности являются высшим приоритетом и ценностью, а с другой — твердое намерение Молдовы установить свое безраздельное господство и принудить приднестровцев жить по чуждым ему правилам, основанным на аксиоме: права нации (да к тому же румынской) выше прав человека» [4, с. 47].

Независимо от проблемной плоскости исследования генезиса молдово-приднестровского конфликта и становления приднестровской государственности информационная составляющая выступает в рамках данного процесса доминантой, определяющей развитие как каждого из аспектов рассмотрения, так и ситуации в целом. Выявленная значимость информационной политики в социокультурном развитии приднестровского сообщества, обусловленная комплексностью ее воздействия на все сферы его жизнедеятельности, определила стремительные темпы формирования и дальнейшего развития информационного пространства ПМР, компонентами которого являются не только государственные предприятия и организации, но и коммерческие информационные структуры, а также сетевые ресурсы приднестровского сегмента Интернета. Формирование и развитие информационного пространства Приднестровья в его неординарных условиях обусловило необходимость активной разработки законодательной базы, рамки которой могли бы регламентировать функционирование как всей системы СМИ, так и каждого средства массовой информации в частности.

Сегодня отношения между Приднестровской Молдавской Республикой и Республикой Молдова постепенно вступают в новую фазу — фазу выхода из конфликтной ситуации. Разрешение конфликта осуществляется не только посредством изменения объективной ситуации, но и субъективной психологической перестройки, изменения восприятия ситуации, которая сложилась у сторон, втянутых в конфликт. При кардинальной перестройке самого образа конфликтной ситуации «образ врага» транслируется в «образ партнера», а установка на борьбу сменяется ориентацией на сотрудничество. С точки зрения государственной идеологии особенно важным является зависимость авторитетности представителей политической элиты от общественно-политических настроений как устойчивой социально-психологической установки.

Что касается социально-демографических характеристик политической элиты на примере представителей исполнительной ветви власти, то они принципиально не изменились за 20 лет, но ряды кабинета министров не только увеличились в количественном отношении, но и пополнились уроженцами Приднестровья. Так, министр иностранных дел и министр информации и телекоммуникаций являются коренными тираспольчанами. Длительность пребывания на руководящих постах определяют некоторое увеличение (на 10–15 лет) среднего возраста министерского корпуса Приднестровья. Так, если в 1992 г. средний возраст в кабинете министров составлял 50–52 года, то в 2011 г. — 60–65 лет.

Успешность развития приднестровской государственности во многом зависит от эффективности действий представителей высшего эшелона власти, их грамотного позиционирования не только внутри государства, но и за ее пределами, а также отражения социальной действительности. Сфера управления государством в условиях непризнанности представляет собой особый интерес, поскольку наличие или отсутствие отдельных качеств у его руководителей отражается не только на векторе межгосударственных взаимоотношений, но и на их качестве.

Наряду с базовыми характеристиками социально-демографического измерения в Приднестровье особый вес обретают параметры общественно-политической устойчивости общества, снижение которой чревато полной потерей государственности. Именно поэтому чрезвычайно важно определить критерии оценки и рычаги корректировки идеологической атмосферы в социокультурном пространстве республики. Динамика взаимоотношений массовой аудитории и элитарных слоев непризнанного государства даст возможность определить более или менее адекватные действия элиты и реакцию на них населения республики.

Обособленность Приднестровского государства помимо политического и экономического измерения отчетливо проявляется в информационном отношении. Инфокоммуникативная система республики в силу объективных причин является более автономной и нацеленной на отражение информационных провокаций извне с целью сохранения стабильной социокультурной ситуации в регионе. В сложившейся журналистской практике отчетливо проявляются стереотипы позиционирования политической, экономической элиты республики как априори положительной по отношению к внешнему миру и, тем более, к другой стороне молдово-приднестровского конфликта. Необходимость исследования информационной сферы республики в контексте взаимодействия элиты и населения обусловлена тем, что СМИ обладают большими возможностями активного влияния не только на восприятие гражданами отдельных политических явлений и событий, но и на их отношение к политике в целом [7, с. 347]. «Республиканская пресса является настолько сильным социальным оружием, что может ссорить между собой целые народы, регулируя вместе с политиками как межэтнические, так и межреспубликанские отношения» [10, с. 78]. Кроме того, изучение проблем развития культурно-информационного пространства общества в контексте измерения системы «элита–общество» выступает как необходимый элемент в определении перспектив государственного строительства Приднестровской Молдавской Республики.

Литература

1. В огне брода нет // Независимая Молдова. 1992. 14 января.
2. Бабилунга Н. В. Раскол Молдавии и конституционные акты Приднестровской Молдавской Республики // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1999. № 3. С. 5–6.
3. Бомешко Б. Г. Создание первой приднестровской государственности (20–30-е гг. XX в.) // Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. Тирасполь, 2002. С. 72.
4. Гольдин Г. Г., Матяш В. Н. ОБСЕ и Приднестровье : учеб. пособие. М. : ДА МИД России, 2000. С. 47.
5. История Приднестровской Молдавской Республики. В 2 т. Тирасполь : РИО ПГУ, 2000. Т. 1. С. 35–37.
6. Погорелая Е. А. Русскоязычные: контексты и подтексты языковой реформы (1989–1990 гг.) : монография. Тирасполь : РИО ПГУ, 2003. С. 211.
7. Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М., 1996. С. 347.
8. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений : учеб. пособие. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1999. С. 6.
9. Скворцов Н. Г. Этничность и трансформационные процессы // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб. : Петрополис, 1995. С. 18–24.

10. Социальные конфликты: экспертиза прогнозирование технологии разрешения. Межнациональные конфликты в посттоталитарном обществе. М., 1992. С. 78.
11. Феномен Приднестровья / Н. В. Бабилунга [и др.]. Тирасполь : РИО ПГУ, 2000. С. 191.

References

1. *In the fire there is no ford* [V ogne broda net] // Independent Moldova [Nezavisimaya Moldova]. 1992. January 14.
2. Babilunga N. V. *Split of Moldova and constitutional acts of the Moldovan Transdnestrian Republic* [Raskol Moldavii i konstitutsionnye akty Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki] // Annual historical almanac of Transnistria [Ezhegodnyi istoricheskii al'manakh Pridnestrov'ya]. 1999. N 3. P. 5–6.
3. Bomeshko B. G. *Creation of the first Transdnestrian statehood (20 - 30th years of the XX century)* [Sozдание pervoi pridnestrovskoi gosudarstvennosti (20–30-e gg. XX v.)] // Transnistria in geopolitical system of coordinates of the XXI century [Pridnestrov'e v geopoliticheskoi sisteme koordinat XXI veka]. Tiraspol, 2002. P. 72.
4. Goldin G. G., Matyash V. N. *OSCE and Transnistria* [OBSE i Pridnestrov'e] : Tutorial. M.: DA of MFA of Russia [DA MID Rossii], 2000. P. 47.
5. *History of the Moldovan Transdnestrian Republic* [Istoriya Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki]. In 2 v. Tiraspol: TSU [RIO PGU], 2000. V. 1. P. 35–37.
6. Pogorelaya E. A. *Russian language speaking: contexts and implications of language reform (1989–1990)* [Russkoyazychnye konteksty i podteksty yazykovoi reformy (1989–1990 gg.)] : Monograph. Tiraspol : TSU [RIO PGU], 2003. P. 211.
7. Pugachev V. P., Solovyov A. I. *Introduction to political science* [Vvedenie v politologiyu]. M., 1996. P. 347.
8. Sikevich Z. V. *Sociology and psychology of the national relations* [Sotsiologiya i psikhologiya natsional'nykh otnoshenii] : Tutorial. SPb. : Mikhaylov V. A. publishing house Izd-vo Mikhailova V. A.), 1999. P. 6.
9. Skvortsov N. G. *Ethnicity and transformational processes* [Etnichnost' i transformatsionnye protsessy] // Ethnicity. National movements. Social practice [Etnichnost'. Natsional'nye dvizheniya. Sotsial'naya praktika]. SPb.: Petropolis, 1995. P. 18–24.
10. *Social conflicts: examination forecasting of technology of permission. The international conflicts in post-totalitarian society* [Sotsial'nye konflikty: ekspertiza prognozirovanie tekhnologii razresheniya. Mezhnatsional'nye konflikty v posttotalitarnom obshchestve]. M., 1992. P. 78.
11. *Phenomenon of Transnistria* [Fenomen Pridnestrov'ya] / N. V. Babilunga, etc. Tiraspol : TSU [RIO PGU], 2000. P. 191.